

"Когда философ делает свою работу хорошо..."

Иллюстрация Анны Григорьевой

Интервью с Дániлом Николаевичем Разеевым, доктором философских наук, профессором Института философии СПбГУ, автором книг «В сетях феноменологии» (2004) и «Телеология Иммануила Канта» (2010).

Финиковый Компот: У Вас обширный опыт философской работы за рубежом. Каких элементов образовательной системы Запада особенно не хватает у нас (если, конечно, не хватает); видите ли Вы какие-то преимущества отечественного высшего философского образования перед зарубежным?

Данил Разеев: Я могу лишь в самых общих чертах судить о зарубежном образовании. В одном моменте, как мне представляется, отечественная и зарубежная системы образования сильно расходятся. В отличие от зарубежных стран, где мне удалось побывать, в отечественном академическом пространстве чувствуется

невыносимая тяжесть централизации образования, где погоду задают так называемые образовательные стандарты, в которых чиновники пытаются прописать каждый шаг образовательного процесса, в том числе по программе «философия». Это приводит, с одной стороны, к излишнему формализму образовательного процесса на каждом из его этапов, а с другой — к чрезвычайной загруженности студентов, которых пытаются научить всему и вся за короткий отрезок времени, зачастую вопреки их собственному выбору и интересам. «Извините, к сожалению, я не читал Аристотеля», — сказал мне однажды известный и уважаемый зарубежный философ. Он не постеснялся в этом признаться, потому что, по моим впечатлениям, западное философское образование отдает предпочтение инициативе, глубине погружения в содержание изучаемого предмета, а не энциклопедическому знанию истории философии в целом. В настоящий момент я не вижу преимуществ отечественного высшего образования перед зарубежным. Я скажу очень просто: если бы они были, то мы бы чаще видели имена выпускников наших вузов на страницах престижных философских журналов мира.

ФК: В некоторых статьях Вы указываете на институциональную принадлежность философа, с которым полемизируете, или называете город, в котором он работает. Есть ли, с Вашей точки зрения, какие-то интересные профессиональные различия между петербургским и московским философскими сообществами?

Д.Р.: Это, скорее, стилистический прием. Я не вижу принципиальной разницы между петербургским и московским философскими сообществами. Разумеется, различия между этими философскими сообществами существуют, но они, с моей точки зрения, обусловлены различием между петербургским и московским сообществами в целом, скажем, локальными языковыми различиями (из серии «бордюр или поребрик») или общественно-политическими (из серии «столица или провинция»).

ФК: Какие из областей философии Вы считаете наи-

более перспективными: если можно говорить о прогрессе и открытиях в философии, в каких проблемных областях можно ждать прорыва в ближайшие десятилетия? Можете ли Вы назвать, скажем, три-четыре главных достижений философии за последние 50 лет?

Д.Р.: Я думаю, что за последние сто лет несомненным достижением можно считать возникновение аналитической философии и развитие того ее ответвления, согласно которому философия сама по себе не совершает научных открытий, а работа философов состоит в логическом, концептуальном и лингвистическом анализе того, что формулируют ученые в ходе содержательных научных исследований. Честно говоря, в данный момент я не готов свести всю философию только к такому ее изводу, хотя и признаю, что эта позиция обеспечивает философии достаточно устойчивую исследовательскую гавань, которая дает и будет давать работу философам многих поколений. Лично я пока еще оптимистично смотрю на возможности философов решать определенные содержательные проблемы в сфере науки. Где именно? Возьмем, например, уровень феноменологического описания процессов и событий, который можно считать одним из тех базовых уровней, с которого начинается множество научных исследований. В такой работе трудной обойтись полностью без философов или найти им адекватную замену. Вот почему я думаю, что философы будут играть в ближайшее время достаточно важную роль в ходе научного изучения проблем, связанных с природой сознания, построением сильного искусственного интеллекта и развитием экологии.

ФК: Вы проделали удивительную интеллектуальную эволюцию: занимались немецкой классической философией, потом феноменологией, а сейчас — аналитической философией. С чем связаны такие изменения в темах и влияют ли как-то условные Кант и Гуссерль на Ваши нынешние взгляды?

Д.Р.: Много лет назад, прочитав одно из интервью немецкого философа Эрнста Тугендхата, перешедшего из сторонников феноменологии в аналитические философы, я был несколько раздосадован его фразой

о том, что 20 лет жизни, которые он потратил на изучение феноменологии, оказались для него потерянным временем. Я, напротив, очень благодарен тому времени, которое в моей интеллектуальной биографии тесно связано с изучением немецкой классической философии и феноменологии. В моем представлении, настоящий философ скорее приобретает, нежели теряет, когда научается способности говорить об одном и том же феномене, пользуясь разными философскими языками. Тому довольно много примеров в истории философии (скажем, Витгенштейн был аналитическим философом, но к некоторым проблемам он подступался с позиции, которую трудно назвать иначе нежели трансценденталистской). Возможно, аналитическая философия — не последний из языков философии, которым мне еще предстоит овладеть.

ФК: Часто говорят, что современные научные методы основаны прежде всего на статистике и математическом моделировании. При этом предполагается, что это верно не только для естественных наук, но и для лингвистики, истории и социологии. Философы же нередко определяют свою работу как концептуальный и феноменологический анализ. Как Вам кажется, насколько убедительна такая методология и приносимые ею результаты могут быть для представителей других областей знания?

Д.Р.: Некоторые философы считают, что ученые не мыслят. Некоторые ученые полагают, что философы не умеют считать. Иными словами, как у философов, так и у ученых традиционно есть повод обвинить друг друга в эпистемологической ограниченности. Опять же, если судить по моему собственному опыту, когда философ делает свою работу хорошо, а затем представляет ее результаты на доступном языке, это, как правило, вызывает уважение и интерес не только в среде коллег-философов, но и в среде ученых, которые занимаются смежной проблематикой.

ФК: Критикуя интерпретации экспериментов Либета, Вы, среди прочего, указываете на то, что в них смешиваются интенции первого и второго порядков:

свобода воли присуща только вторым, а в опыте изучаются первые. Правильно ли Вас понимать так, что главным различием между интенциями первого и второго порядка служит возможность реализовать первые (закурить сигарету, поступить в университет и т.п.) и принципиальную процессуальность и незавершенность вторых (воздерживаться от курения, искать знания и т.п.)? Если это верно, то нельзя ли описать дизайн эксперимента так: испытуемый имеет интенцию второго порядка «Выполнять задание экспериментатора» или, например, «Если мне захочется, то я пошевелю пальцем», и интенцию первого порядка «Хочу пошевелить пальцем»? И тогда измерение потенциала готовности для первого порядка будет одновременно сказываться и про второй порядок. В целом, интенции второго порядка представляются мне как бы прозрачными: смотря на них, мы всегда видим только интенции первого порядка.

Д.Р.: Дело не только и не столько в дискретности интенций первого порядка и непрерывности интенций второго порядка (это лишь некоторые из тех характеристик, которые им присущи). Попробую сделать акцент на еще одном важном моменте, который, кажется, Вы не учитываете. Я не случайно называю интенции второго порядка рефлексивными интенциями. Руководствуясь ими, мы не просто осуществляем какое-то физическое действие, но и делаем само это действие значимым (видимым) для себя и для других. Можно сказать, что интенции первого порядка ведут к действиям, а интенции второго порядка — к деяниям, или поступкам. Скажем, я сейчас могу встать и выйти из аудитории, закрыв за собой дверь, а могу встать и выйти, показательно хлопнув дверью. В первом случае я реализую интенцию первого порядка, которая завершается определенным действием. Во втором случае я делаю значимым само свое действие, оно становится видимым для Вас, после него повисает неловкая пауза (Вы начинаете думать, что Вы такого сказали мне, чем меня обидели, почему я так отреагировал, и так далее); иными словами, речь идет о поступке (о деянии), который не завершен и требует какой-то реакции. В этом смысле предложенный Вами дизайн эксперимента

не ухватывает в полной мере того, что я имею в виду, проводя различие между интенциями первого и второго порядков.

ФК: Вы защищаете нередуктивный физикализм, доктрину, утверждающую, что сознание есть в широком смысле физическое явление, но при этом эпистемически оно не сводимо к биологическим явлениям также, как последние — к физическим в узком смысле. Не получается ли так, что физическое в широком смысле — это просто все, что существует, и в этом смысле сказать, что сознание есть физическое, означает лишь сказать, что сознание существует?

Д.Р.: Не совсем. Утверждение о том, что сознание существует как часть физической реальности (что само по себе не так уж и мало!), — это лишь одна составляющая тезиса нередуктивного физикализма. Вторая его составляющая — это утверждение о том, что для понимания природы сознания недостаточно описать его работу в базовых физических, химических, биологических, а возможно, даже в когнитивных или функционалистских терминах. Для этого требуется создание специфического научного аппарата, благодаря которому объяснению (именно объяснению, а не элиминации из науки) стал бы доступен субъективный характер опыта, или опыт квалиа, или переживаний из перспективы первого лица.

ФК: Какая из существующих теорий тождества личности Вам ближе, и в чем Вы видите ее главную слабость: в каком отношении ее еще следует развивать?

Д.Р.: Думаю, что наиболее близка мне соматическая теория тождества личности (анимализм). Быть личностью — это временное свойство, присущее определенному типу организмов. Слабость такой теории в том, что она серьезно подрывает нашу веру в возможность дальнейшего существования личности в случае радикальных трансформаций организма или после его смерти (в том числе в возможность пересадки личности на другой биологический и/или физический носитель). Мне кажется, что этого не стоит бояться. Более перспективной мне представляется не борьба за пересадку

личности на другие носители, а развитие, я бы даже сказал разведение, плюрализма личностей на одном биологическом носителе, иными словами, развитие нескольких личностей в одном и том же организме в ходе его жизненного цикла.

ФК: О чем Вы никогда не думали?

Д.Р.: Я не думал о любви и счастье. С философской точки зрения эти темы казались мне банальными. Теперь я понимаю, что я ошибался. Об этом обязательно надо думать.